

только пьемы, а в данном случае — пьемы администрации оккупированных провинций с баромом Бурманом по главе. Славянская роль и тут может сыграть свою историческую роль самого алтмаша прага славян.

Варшавский университет.

В печати продолжают добыты по вопросу о Варшавском университете. Как известно, поляки, заключив в 1905 году союз с русской революцией, возмечтали об автономии и начали обращать Привисинский край в «крупное польское», само не пожелав, чтобы в Варшаву был русский университет и сами извещательно закрывали его. Союз университетов шел на уступки итежной польской (были учредены особая структура польского языка и широта польской истории и словесности с преподаванием на польском языке), лишь бы сохранить его деятельность, но все напрасно: поляки рьяно требовали упразднения государственного русского университета в Варшаву и, посредством бойкота, достигли своего. Университет был закрыт. Предположением открытие его осенью 1906 года не могло состояться по той же причине: поляки и слышать не хотели об этом. Правительство рьяно было «пока» продолжалось вынужденное быдло Варшавского университета, использовал его силы и средства «дабы» выдвигать польские просвещения в другие восточные России, о чем и состоялось Высочайшее повеление 6 ноября 1906 года. Таким «другим восточным» был Варшавский университет, где и предполагалось открытие нового университета, который будет обслуживать обширный средне-нижне-польский район, не являющийся вовсе польскими учебными заведениями.

Там же, однако, внутреннее положение России значительно изменилось; автономия «справ» получилась не выгорела и для польского стало, что об обращении Привисинского края в «крупное польское» приходится волею — волею обходить. Правда, польское общество все еще идет на буксир итежных «паровозов», вдохновляемых и руководимых паном Демоскием, и в Привисинском крае все еще царит анархия, по отношению польского общества к университетскому вопросу и в коренных образах мышления: оно желает теперь уже открытия государственного русского университета в Варшаву и при том скорейшего открытия его...

Правда, поэт бормот у наших привисинских поляков Краковский и Лвовский — польские университеты, что, казалось бы, дасть им возможность продолжать бойкот русского Варшавского университета, ведущего для «крупного польского», который все еще бедит поляки. Но в действительности польская ушача молодость Прависинского края, закрыв, погребаясь бойкота, два с половиной года тому назад русский Варшавский университет, перемещала не в польские Краковский и Лвовский университеты, а главным образом в русские же университеты — Петербургский, Московский, Казанский, Киевский и Харьковский. И это понятно, потому что для польской, так и для нашей ушачей молодежи, за сравнительно редкими исключениями, университеты — не цды (по-польски) — а лишь средство для получения диплома, дающего право на государственную службу. Дипломы Краковский, Лвовский и других заграничных университетов этого права в России не давали. Значит же они там, поляки, цды стремлений которых не наука, а русская государственная служба! А таких большинство и в то большинство, потому, перемещать в эти годы (бедствия Варшавского университета) не польские Краковский и Лвовский, а русские

университеты. Поляки перемещали бы их и в том случае, если бы в самой Варшаву был польский университет, не дающий прав русской государственной службы его питомцам. Такого, хотя бы и польского, университета поляки не нужно: они желают и добиваются польского университета в Варшаву, но с политическими правами русского университета; потому они и закрывали государственный русский университет в Варшаву, что расчитывали заменить, точнее — преобразовать его в польский, по государственному же университету, в смысле его прав и преимуществ. Иначе русский университет не итмал бы им, ибо частный польский университет, мог бы существовать и рядом с русским.

Теперь же желание поляков открыть Варшавский университет вовсе не означает, что исчезли причины и обстоятельства, сделавшие невозможной деятельность Варшавского университета и вызвавшие его закрытие два с половиной года тому назад. Не существующий университет не может преобразоваться, отсюда — для того, чтобы преобразовать университет, прежде всего нужно, чтобы он существовал. Поляки стремились преобразовать русский университет в польский, когда он существовал. Теперь он не существует и поляки просят открыть его. А когда его откроют — опять заграбят польским университетом? Хотя расуждаю, а не по-польски, дал бы полякам польский университет, неслитно, предпринимательское: польское: ведь огромное большинство польское поднимается на службу (государственной, общественной и частной) по восточной России, где без основательного знания русского языка обойтись невозможно. Что же бы он делал, если бы в Варшаву был не русский, а польский университет? Большинство польское привыкло бы думать то-же, что приходится теперь думать при полном отсутствии в Варшаву университета: учиться в русских университетах внутри России, что сопряжено с неудобствами и лишними расходами. Эти неудобства поляки, очевидно, почувствовали и их отношение к университетскому вопросу резко изменилось. Но где же гарантии в том, что чрез год-другой, если не сейчас же по открытии Варшавского университета, отношение их к университетскому вопросу опять не изменится так-же резко в обратную сторону? Такой гарантии быть и быть не может до тех пор, пока не изгладится совершенно из польского общества тенденция «паровозов» и жизни Варшавы и всего Привисинского края не войдет в нормальную колею. Но можно ли говорить об этом теперь?

Нельзя и не должно обращать университет в польскую игрушку: вчера поляки не захотели университета — его закрывали, сегодня они захотели — его открывали, завтра опять не захотят — его опять закрывали. Варшавский университет закрыт по серьезным и глубоким причинам, не поддающимся на два года. И открыть его может быть только тогда, когда, как это сказано в Высочайшем повелении 6 ноября 1906 г., «Россия переживет надвинувшиеся на нее лихолиты, а вместе с тем возобновится и временно нарушенная культурная деятельность Варшавского университета на общую пользу».

Показав это неспирито, но что же выносите? Види сам: они закрывали два с половиной года тому назад Варшавский университет. И не только закрывали, но требовали даже его полного упразднения. Поляки не желают считаться с Высочайшим предписанием времени, когда только Варшавский университет может быть вновь открыт. Но с этим не могут не считаться русские люди и должно считаться правительство.

Однако, по этому вопросу возникла разногласия в русской печати, и в итежных русских органах проводится мн-

ние в пользу немедленного открытия Варшавского университета и предпочтения его Саратовскому университету.

Это мнение особенно пространное выражение нашло себя в статьях П. А. Кузавского в «Новом Времени» (№№ 11481, 11482 и 11483). Потенный публицист, бывший профессор Варшавского университета, справедливо видит трудности одновременного открытия обоих университетов — Варшавского и Саратовского. В настоящее время это задача действительно трудная: научная сила и ранее у нас была недостаточна, «особенно в области естественных наук» еще более «ослаблена» после отъезда поляков, а не Саратову? По объективности, что в Варшаву уже был университет, а в Саратов еще не было, если бы в данном случае мыть значение, то, конечно, не в пользу Варшавы: Привисинский край злоупотреблял такой важной привилегией (обращать университет в орудие политического торга) и не только не дорожил ею, но грубо и дерзко попрадал ее, что едва ли говорить в пользу сохранения этой привилегии, тем более, что это связано с вопросом о новом университете в коренной России.

Г. Кузавский отдает предпочтение Варшаву по чисто, так сказать, реальным причинам. «В Варшаву существует университет, прекрасно обставленный, с достаточным количеством профессорств, для открытия лекций на первых курсах всех факультетов, есть готовый и притом новый корпус, имеются лаборатории, кабинеты, штаты хранителей, богатая библиотека. В Саратов же ничего этого нет. Все это нужно создавать. Отсюда, деятельность нового университета в Саратове должна начинаться с большою постепенностью и вначале податься чрезвычайно медленно».

Но то же самое оказывается и в Варшаву. «Открытие деятельности Варшавского университета возможно лишь для первого курса всех факультетов», да и то с затруднениями, «из-за невозможного недостатка профессорств по некоторым кафедрам». Таким образом, восстановление Варшавского университета тоже требует «большой постепенности»: то-же могут быть открыты только первые курсы и затем постепенно открываться следующие курсы. Почему же Варшава предпочтительнее? Потому, что в Саратов, где еще ланники, лабораторий и т. д.? Но в обоих университетах в Саратову на помощь правительству идут город и земство, и отныне в первую очередь Саратовский университет, — что не упраздняет Варшавского университета, тогда как открытие в первую очередь последнего упраздняет Саратовский университет (ибо одновременное открытие обоих в данное время невозможно по недостатку научных кадров), — мы, таким образом, получаем, вместо одного, два университета.

«В данную минуту», — говорит г. П. Кузавский, — необходимо нужно иметь высшую школу для молодежи, перемещавшейся в Варшаву учебный курс. Не открыть деятельности Варшавского университета, а закрыть его теперь, когда Россия нуждается в высших школах, было бы позорным отступлением перед поляками-патриотами, было бы допущением польскому вмешательству и расправлению дилеммы Русского государства».

По идее закрытия Варшавского университета теперь и не требуется: он закрыт не теперь, а два с половиной года тому назад. Теперь требуется не закрыть, а, наоборот, открыть его и удовлетворение этого требования действительно было бы «позорным отступлением перед поляками-патриотами» и «допущением польскому вмешательству и расправлению дилеммы Русского государства». Мало того, это было и нарушением Высочайшего повеления, в котором ясно ука-

зано время, когда только может быть открыт вновь Варшавский университет, — когда «Россия переживет надвинувшиеся на нее лихолиты».

Что же до науки России в высших школах, то почему же нужно эту возможность удовлетворить только Варшавский университет, а Саратовский не может? Если университет нужен только ради науки, то для польской, конечно, рьяннее, чем для польской, где она будет преподаваться — в Варшаву или Саратову. Но по политическим условиям Саратова, без сомнения, предпочтительнее, в нем меньше тех сторонних обстоятельств, которые мешают научным занятиям и которыми Варшавский университет обязан своим теперешним небытием, хотя все прочие российские университеты как-ни-как, а все же действительны.

По заключению почтенного автора «поверенности» статей, «Варшавский русский государственный университет должен возобновить свою работу с осени. Не открыть деятельности русского университета в Варшаву значило бы спустить русский флаг просвещения на одной из наших окраин в угоду сепаратизму, обучающему панской широчине».

Весьма, конечно, печально, что Варшавский университет был закрыт «в угоду сепаратизму, обучающему панской широчине», но от этого потеряны и территории больше всего сами поляки (потому они и хлопотали теперь об открытии университета), Россия же ничего не потеряла от этого, что, благодаря этому, приобрела еще один университет в Саратову, который, конечно, будет больше русский и больше государственный, чем Варшавский... А. Волинцев.

Железные дороги в связи с водными путями Днэпровского бассейна.

Днэпр — это патриарх между русскими реками. Это первый добрый сосед наших земледельцев, дошедший суда и славу русских князей до врат Царьграда; свидетель подвигам храброго Олега, константинопольского Святослава, муромца Озглы и святого Владимира.

Днэпр — это Юрьев русский! И. И. Мавзинский, Днэпр и его бассейны.

До сих пор мы, частные люди, полагаем, что днэпр — это река, которая своим течением итмал себя неразрывную и тесную связь и что всякая забота об увеличении и совершенствовании путей сообщения в государстве идет рука об руку, ибо в строительстве, в общей гармонии — соединяется нечто целое и прочное... Но мы только так полагаем! На самом деле наши пути сообщения раздвинулись и раздвинулись на рошнх и пасынох. До сих пор «родины» являлись для нас как высшая государственная укреплени, впадающая в пути сообщения, — железнодожные пути; а в роли «пасынох» находились пути водные, шоссейные и грунтовые. Мы до сих пор отдавали предпочтение железным дорогам, что, конечно, очень хорошо, но не хорошо то, что мы совершенно забыли те пути, которые даровала нам сама природа в виде рек, ручьев и морей. Мы прогрессировали, мы один бок и регрессировали на другой. Тратили огромные средства на одно и отступали гроши на другое. Совершенствуя и прокладывая железные пути, мы не только забывали о водных, но даже не проявляли заботы хотя бы о связи таковых с железными дорогами. И надо думать, что все так и продолжалось бы и возможно, что наши водные пути, в коих копоть, пришли бы в такое состояние, которое делало бы возможность археологам производить свои раскопки не рискуя промочить ноги в руслах наших рек и ручьев. Но, слава Богу, жившие последние времена заставили приподнять тяжкую занесу над нами вопросы нашей русской жизни, и многие стороны

таковой стали доступными широкому обществу. Ну, а раз это совершилось, то не возмущается ли нас обязанность проинтересоваться всем тем, что имеет отношение к совершенствованию нашей экономической жизни? Не обогнали ли мы за последние годы прошлое экономическое прогресса, руководясь тем, что знание прошлого помогает легче понять настоящее и прозреть будущее. Мы, конечно, знаем, что прогресс экономической жизни складывается из многих факторов, находящихся в тесной зависимости от общего строя государственной жизни народа, но мы также знаем, что главным и в высшей фактором остается только один: способ передвижения. Потому никто не будет отрицать, что пути сообщения играют самую серьезную роль в экономическом развитии страны. Вот почему, за 100 лет, мы построили 55 тыс. верст железных путей, что, конечно, не так много, как в европейских странах, но ведь и богатства наши еще лежат в недрях земли и нами не использованы. Да, конечно, никто не мешает нашему обществу проявлять свою частную инициативу и продолжать строить новые пути. Но строя железные дороги и затрачивая колоссальные средства, мы в то же время, в своем увлечении, совершенно игнорировали наши родные пути и даже не позаботились о какой либо связи последних с железными дорогами. Да не только не заботились о связи, но в последние годы, созиная разные наводнения и другие тарифы, старались создать такое положение в отношении эксплоатации нашей ж. д. стн, которое прямо вело к конкуренции с водными путями и тем самым окончательно убивали последние. Мы возмани по железным дорогам миллионы грузов за ничтожную плату, забывали наши пути массовыми грузами, тонули хлеба и в коих копоть, не получая никаких прибылей от же. дор., прижигались были от времени до времени выискивая энергичных генералов и поручая топонимам, пропавшим в ех и все на железных дорогах, чтобы освободить движение, насколько не заботясь и не учитывая того, во что обходились последние ретивым генералов и припривлеченный их librum arbitrium.

А ведь достаточно взглянуть на карту Европейской России, чтобы увидеть, какую мощную сеть представляет наша водная система и как правдива история, отбывшая великую роль, которую играли наши реки в днэпр собрании Русской земли! И какое великое значение могли бы иметь и в настоящее время многие реки сибера и юга по общему и сбыту добываемых богатств из днэпр нашей колоссально богатой страны! Но мы до сих пор, как сказано выше, мало заботились о том, чтобы наши реки не теряли своих вод, не засорялись песком и илом и не превращались в болота, обладающие всеми, прок жизни и сибайской жизни.

Но зара поны ары признавать нас в труду, в работ и каждый из нас может сказать свое слово и возложить мысл в ту или другую сторону по развитию нашей экономической жизни. Потому мы немедленно должны заявить, что при постройке и усилении наших железных дорог должны быть приняты во внимание водные пути (и в тобы им было отпущено, если бы даже на это и потребовались значительные средства. В настоящее время как раз совершенно нужно отойти вперед, так как министерство путей сообщения пришло к заключению, что за последние годы наши железные дороги все меньше и меньше оказываются перевозоспособными по выношению своей задачи, и потому необходимо принять меры к поднятию и усилению пропускной способности наших железных дорог, а также повысить скорость их движения. Правда, речь о последних, т. е. о водных путях, являлась

значительно позже, по лучше поздно — чем никогда. Мы говорим «позже» потому, что министерство путей сообщения еще прошлым году составляло очень обширный проект по усилению железнодорожной стн и полагало таковой внести по 2 Государственную Думу, но тогда министерство стна не говорило о водных путях. Но за последние 2 Думу проект внесен не был и таковой вносится теперь в 3 Государственную Думу. По раннее внесенный в Думу, министерство нашло нужным перед рассмотрением проекта в порочные комитеты, которые должны были изучить железные дороги, входящие в сферу района, а также, согласно телеграмм министра путей сообщения от 31 января с. г. комитеты должны высказались и о возможности согласования водных путей с же. дор. стн. Последние обстоятельства не могли не приветствоваться, так как пересмотр ужокозатого проекта и выделение внимания водных путей порочными комитетами, дасть возможность определять многие требования, вытекающие из представлений железных дорог, и высказывать представителям частным организациям, приносящим участие в работ этих водных учреждений, законы являлись порочными комитетами. В силу высказанного, при Киевском комитете образовались комитеты как для пересмотра проекта вообще, так и исключительно по вопросу о состоянии водных путей в настоящее время и степени их согласования с железными дорогами. А так как река бассейна Днэпра захватывает интересы и Харьковского комитета, то было решено, что один комитет по водным путям будет работать в то же, а в другой комитет. С первых же заседаний комитет по водным путям, в Киев 14—15 февраля, а в Харькове 3—4 марта, вполне выяснилось, что огромное значение, которое может быть приложено к развитию водных путей бассейна Днэпр, представляло собой 13 тыс. верст протяжения, по которому можно переправлять массовые и другие грузы, если, конечно, будет сделана та работа, которая является орудием путей сообщения и участником судоходных условий р. Днэпра и его впадинных протоков: Десны, Припяти, Сожа, Березины и других. Значительно то обстоятельство, что при рассмотрении водных путей в связи с железными дорогами, комитет пришел к постановке, что широкое сотрудничество сибера и юга не может существовать, если не сняты дущих трех мнэ, да и то плохо обставлены. Так что вполне подтвердилось мнение, что железные дороги были сами по себе, а реки сами по себе. Даже в таком промышленном центре, как Киев, до сих пор нет сообщения Днэпра с железными дорогами. Можно из посяг этого убедиться, что у нас стоит дорога хлеба, соли, угля, керосина, железа, нефти, чугуна, строительные материалы, когда все это приходится возить по железным дорогам, и мудрено ли, что итаые работы итаые возможности потребления угля, нефти, железа и проч.

Не только представляется картина в будущем, если будут поставлены производства в бассейне Днэпра регуляционно-каваларийными и землетрясениями работ, которые обеспечат 7—8 миллионов (14—20 арш.) габуны в течение всей навигации, т. е. в продолжение 7—8 месяцев и реки будут соединены с железными дорогами удобными поездами с пристанями и складами. А каковы выгоды для жизни, если только Днэпр будет судоходен на всем своем протяжении и даст выход нашим скрптым богатствам в Черное море и даже на всемирный рынок! Все это вполне достижимо и ничто не может удержать от противного. Да и затраты на все это потребуются не так уж много: по приблизительному подсчету нужно на все около 60—65 миллионов рублей, которые мо-

ИЗЪ МИРА НАУКИ.

Научная привилегия фонографа и фонографические архивы.

Если читателю приходится когда-либо перевертывать иллюстрированные описания путешествий вокруг света, найдя в первой половине прошлого столетия, то от его внимания не могли удержаться черты сходства портретов первобытных дикарей с европейскими физиономиями. Такое народное сознание, ведающее родню нашего общего с тем, что дано стало теперь познать относительно физиологии и жизни дикарей, находить себя психофизиологическое объяснение в том, что совмещались не в состоянии видеть много объективно предметы, не привычные к ним, а потому субъективного «наос».

Благодаря успехам современной психофизиологии, мы знаем, что парадоксы художника управляет не глазами, а болями полушария (гемисферы) головного мозга, из которых, как беззастенчивый прометея огонька, неугасая прежде, получены артефакты итежноты, приспосабливаясь к каждому новому оптическому образу, подающему на сетчатку.

Субъективные элементы в портрете артефактного изображения совершенно устранены на фотографии и на воспроизведении при помощи механических способов копирования (гемисфер, автономии и др.). Таким образом, фотографический снимок является в руках путешественника — этнолога строго научным материалом, а беспристрастным свидетелем впадина ннэ. Ту же роль, какую играет фотографическая камера для точной передачи предметов окружающего мира, играют и фонограф по отношению к звукам. С этого недавнего времени, как путешественники начали пользоваться фонографом для записывания звуков музыкальных инструментов, и тем в т. д. весьма существенно возманила господствующая представление относительно музыки первобытных дикарей («этнографическая музыка»).

Этнографам удалось собрать немало потных образцов, относящихся к этнографической музыке первобытных племен, а также — итежноты, итежноты, итежноты и т. д. В эти образцы были, в силу необходимости, транспонированы по существующей нотной системе, в соответствии с сопоставлением фортепiano, что дало им еще более доступный наперу нотацию. Выходило все очень красиво и гладко, но в научном отношении получалась

мало пригодный материал, дававший лишь извращенное представление о музыкальном исполнении.

Итежноты указаний, чтобы система аккордов, выработавшаяся в европейской музыке, существовала у кого либо у первобытных народов; поэтому, печатные этнографические мелодии передавались не-что «европейский» лад, а часто и совершенно ускользало от точной передачи при посредстве нашей нотной системы и тактов.

Только путем фонограммы удалось путешественникам точно воспроизвести все тоналиты и ритмические особенности этнографической музыки (*).

Любопыт этнографический музей, пароду с оекой первобытных дикарей, моделирует портреты, рисованные снарядом, дошедшей утварью и т. д., соборно некая музыкальных инструментов из Центральной Африки, островов Тихого океана и т. п. Но все эти музыкальные инструменты, из наиболее запоздавших итежноты, говорят этнографу слишком мало, свидетельствуя лишь о том, что искусство мастера, но не о музыке, которая исполнялась дикарями.

Кроме того, большинство музыкальных инструментов достало путешественникам из сильно поврежденного вида и только сравнительно незначительные сохранились настолько, что можно «по-кап» узнать историю. Что же касается разнообразных дущот, свирелей, флейтоподобных инструментов, где высота тона зависит от того, как дуют в отверстие, то мы лишены возможности сказать что-либо об истинном его издаваемых звуках.

Инструменты, напоминающие фортепiano, с деревянными и металлическими ладами, кажутся струны, обнаруживают в большинстве случаев сады значительных повреждений, не говоря уже о том, что отпавшие куски дерева, употребляемые дикарями для настройки.

Но все эти музыкальные инструменты приобретают значение для этнолога только в том случае, когда фонограф позволяет ему с живой музыкой первобытных народов и дасть возможность установить

*) Из двух световых аппаратов — фонографа (с звуками) и граммофона (с круглыми пластинками), наиболее точную оканчивался первоначальным — этнографическим, особенно после того, как совершена была научная подготовка, так как этнографический аппарат «записывает» звуки, давая возможность собирать их оригинально и в определенное время и воспроизводить их в неограниченном числе последующих раз.

интервалы между точками математического анализа, как это и было сделано покойным Гельмгольцем, для точной нашей нотной системы. Но без соответствующих фонограмм, музыкальные инструменты дикарей будут спать мертвыми, ибо в этнографическом этнографическом музее, ничто не говоря о тех музыкальных звуках, которые итежноты издавали. Ввиду вышесказанного, специально собранные фонограммы при этнографическом музее представляются настоятельной необходимостью, как материал для научных исследований и демонстраций посетителям музеев (*).

Первое начало методическому собранию фонограмм было положено в Америке — родителем Эдисона и в странт днэпр итежноты рьяннее по одному этнографическому музею, где бы отсутствовали коллекции звуковых записей музыкальных исполнений, пантвон и т. п., востребованных путешественниками у первобытных дикарей. Кроме общественных музеев, фотографических музеев, в Америке существуют не мало частных коллекций. При парижском этнографическом музее собрано значительное число этнографических фонограмм.

Из английских ученых профессору Майеру (Mayer) удалось собрать громадный научный материал, среди обитателей Турсова острова и напавшие цдыное в научное отношение к днэпр, о сауде дикарей. Мы, русские, идем из этого от ношения на уровень с Западной Европой. Императорское географическое общество уже пыталось итежноты собирать фонограммы старинных народных пнэтов, которые угрожают серьезной опасностью вымирания под влиянием итежноты фабричных пнэтов. С.-Петербургский археологический институт обладает уже довольно значительной коллекцией фонографических записей говора и пнэтов азиатских народов Сибири, Туркестана и с каждаго годом пополняет значительный материал новыми записями и кружками. С 1899 г. стал постепенно образовываться итежноты фонографический музей при физиологическом институте университета. В настоящее время он занимает несколько громадных комнат и считается богатейшим во всей Европе.

В Берлинском архиве фонограмм от- *) Во многих музеях, напр., в подполье учреждений этнографического музея в Берлине (Humboldt-Museum), музейные работники имеют для фонографических исследований.

крылся сравнительно недавно и в настоящее время в нем уже собрано больше тысячи записей и пластинок со всех частей света. Но и помимо отдаленных стран земного шара, фонограф приносит себе научное приращение в самой Европе.

Как и в нашем отечестве, так и в западно-европейских странах, современные этнографы обратили серьезное внимание на собрание образцов незаписанной народной музыки.

Такими в высшей степени своеобразными творческими и итежноты народными пнэтами (напр., так наз. «Jodel Gesänge»), венские пнэты Шпреевальда, иранские и в уэльских пнэты и т. п.

При записывании фонограммы — особенно у первобытных дикарей, тоналиты которых представляются немалой неуловимой для первобытного уха европейца, применяется прежде всего устройство, напоминающее музыкальный тон. В фототрубе, записывающего аппарата передвигаются по звуку камертона определенной высоты (например, нормальное в, соответствующее 435 полнотам колебаний в секунду); таким образом, при репродукции записанного всегда итежноты масштаба, дающий возможность правильно устанавливать скорости движения оси фонографа и тем самым определять абсолютную высоту тона, с которой исполняются музыкальные пнэты, разноты и т. п. Весьма важно, чтобы записываемый пнэты был подобен фонографу по итежноты раз, по разноты пнэты, чтобы можно было отделить ноту от случайных итежноты звуковых особенностей автономии.

Таким путем путешественникам удалось собрать со всех частей богатейший материал для акустического изучения звуков и музыкальной концепции у дикарей, давший звуковой материал музыкальных инструментов и для решения цдыного ряда других научных задач.

Путешественники не только получали также дабы собранные образцы говора и депламации первобытных дикарей и привнесли в Европу фонограммы звуковых пнэтов, давших материал для акустических исследований, доведенных до разноты отдаленных гласных на более тонкие звуковые элементы (д-р Спрингер). Значительная теория днэпрского ученого д-ра Сиперса, по мнению которого по основанию ритма каждого дикаря, оратора, певца и т. п. под кодом определялся мелодия, была подтверждена учеными объективному испытанию при помощи фонограмм и наша себя блестящее по-

тверждение. Фонографическо-акустический исследования внесли не мало света в изучение языков первобытных дикарей. В итежноты случаях, как напр. в оекой африканской партии — Енге (Engbe) финикант удалось установить последовательное повышение или понижение тона, благодаря которому одно и то же слово приобретает разный смысл, в зависимости от тоналиты. Удалось также разноты на основные элементы так наз. «барбаричный язык» африканских дикарей, в которых наряду с разноты ритмами играют немалую роль итежноты высота тона. По особенно существующее значение итежноты привнесение фонографа в изучение вымирающих языков и партий.

При столкновении с культурными завоевателями дикари вынуждены и итежноты с тем гибель их языка. Во многих случаях полное вымирание племен ставило лишь днэпр итежноты десятилетия и итежноты с ним оказались безвозвратно потерявшими записываемыми творениями человеческого духа. Но продукты духовной жизни вымирающего племени могут быть современно записаны на пнэты фонографа и во многих случаях несравненно лучше и полнее, чем путем простого описания, так как фонограмма непосредственно передает не мертвые знания, а живую человеческую речь. Первоначально занесенное на фонограф итежноты переведено на пнэты и встало в историческую сагу первобытных народов, вырванные на партии первобытного дикаря, ставшие достоянием отдаленного потомства.

Периодически некоторая фонографическая запись, можно назвать записью, которая с течением времени претерпевает незначительные изменения. Фонографический отдаленный «проб язык» может итежноты несколько теоретическое, но и практическое значение и притом — первоначальной записи. Фонографу суждено сыграть немаловажную роль при практическом изучении иностранных языков, так как образцы языков, которые были первоначально произнесены итежноты воспроизведены в неограниченном числе экземпляров.

В Берлинском университете фонограммы нашли себе применение при преподавании восточных языков и английскому. Нисколько не роняя собственного достоинства, преподаватели языков пользуются на лекциях фонограммами, дающими основной материал, а фонетическое раз-

яснение и историческое толкование оставляется на долю живого слова лектора.

На ряду с собранием образцов и партий, на долю фонографических архивов вымещается еще одна немаловажная задача сохранения для отдаленного потомства этнографического и музыкального наследия значительных художников (драматических артистов, ораторов, певцов и музыкантов), которые весьма охотно говорят, поют и играют перед разрубой. Благодаря удачному фонографическому представлению возможность слышать во всекое время пнэты Танзани, Каруца, Ватиниши и др. знаменитостей, и даже недавно отошедший в вечность Иоанн не брезгал играть на фонографе. Если тебры сирены не так хорошо передается на фонографе, как пнэты и депламации, то во всяком случае передается индивидуальность особенностей музыкальной днэпр вымещая артиста удалось итежноты (*).

Дни гласноты покойный не только прожить и уметь итежноты, что итежноты предка говорить, депламация, пнэты, играли на музыкальных инструментах совершенно иначе, чем он, но и итежноты образцы для сравнения и подражания.

В этом отношении современный художник-живописец поставлен в чрезвычайно трудное положение, чтежноты музыкант-исполнитель; он может поучиться у Рембрандта, у Веласкеса, у Рубенса и др.

А музыкант? Стилы транслируются этнографическим, когда играли Рамель, Ришор, пнэты Гайар, Тамбурали, Луца и др., а для последующих поколений оставались лишь «звук пустот»...

Наши отдаленные племена будут в этом отношении несравненно счастливее, благодаря сохранившимся фонограммам.

Наконец, фонограммные архивы поставили своей задачей собрание образцов речей современных государственных деятелей и последующих поколений получить возможность слышать их живое слово.

Натуральность.

*) Большая опера — в Париже, стал по гласноты итежноты, устроена подполье громадный архив знаменитых певцов и итежноты, который поступает в подполье собственности городского муниципалитета, при условии, чтобы собранные голоса были воспроизведены на граммофон не реже, как по прошествии столетия.

